

18+

Антуан Абдель-Малек

Легенда Нила

Антуан Абдель-Малек

Легенда Нила

«Издательские решения»

Абдель-Малек А.

Легенда Нила / А. Абдель-Малек — «Издательские решения»,

Зейн — мальчик из каирских трущоб. Судьба сводит его с криминальным авторитетом Рашидом, и он погружается в мир власти, предательства и крови. Смогут ли любовь и надежда спасти его душу в этом аду?

Содержание

ЛЕГЕНДА НИЛА	6
Часть первая: (Сын мусорных куч)	7
Глава первая: Рассвет над Харет аль-Заббалин	7
Глава вторая: Дом, где не пахнет мусором	13
Глава третья: Первый урок	17
Глава четвёртая: Тени учатся молчать	23
Глава пятая: Девочка с голубым шарфом	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Легенда Нила

Антуан Абдель-Малек

© Антуан Абдель-Малек, 2026

ISBN 978-5-0071-0925-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЕГЕНДА НИЛА

Часть первая: (Сын мусорных куч)

Глава первая: Рассвет над Харет аль-Заббалин

// Каир. Район Мокатта. 5:47 утра. //

Он ещё не видел солнца, но уже знал, что оно встанет. Знал по тому, как небо над холмами Мукатта начинало сереть, словно старый, выцветший халат его отца. Знал по тому, как петух соседа Абду, хромой и злобный, начинал свой надрывный, хриплый крик, разрывающий утреннюю тишину, будто ножом по холсту.

Зейн аль-Дин лежал на крыше.

Он не спал. Он вообще редко спал по-настоящему. Сон был роскошью, которую его тело не могло себе позволить, потому что, когда ты засыпаешь, мир вокруг тебя продолжает вращаться, и в этом вращении кто-то обязательно попытается украсть твою тележку, или ударить твоего отца, или просто пнуть тебя ногой, чтобы ты убрался с дороги.

Крыша их лачуги была сделана из ржавых, волнистых листов железа, которые когда-то служили вывеской для закрытой пекарни в центре. Теперь они гремели при малейшем ветре, и Зейн знал каждый их стон, каждый скрип. Он знал, что третий лист слева, если на него наступить, издаёт звук, похожий на плач верблюда. Поэтому он никогда туда не наступал.

Он лежал на спине, положив руки под голову, и смотрел в небо. Оно было грязно-розовым, как вода, в которой моют кисти художники. Где-то вдалеке, над центром Каира, уже клубился смог — смесь выхлопных газов, пыли и жара от тысяч кондиционеров. Но здесь, в Харет аль-Заббалин, в Квартале Мусорщиков, воздух пах иначе.

Он пах жизнью. Тяжёлой, липкой, настоящей.

Зейн глубоко вдохнул. Сладковатый, приторный запах гниющих арбузных корок. Кислый уксусный дух прокисшего молока, которое кто-то вылил в сточную канаву. Металлический, острый запах консервных банок, накалённых за вчерашний день. И — всегда, постоянно — запах сырого картона и мокрой газетной бумаги. Это был их воздух. Воздух бедности.

Он сел, свесив ноги с края крыши. Под ним, внизу, просыпался их мир.

Узкая улочка, шириной не больше двух вытянутых рук, была забита телегами. Деревянные, скрипучие, с огромными колёсами, обтянутыми резиной от старых грузовиков, они стояли рядами, как спящие звери. Лошади и ослы, привязанные к ржавым кольцам в стенах, переминались с ноги на ногу, отмахиваясь хвостами от мух. Мух здесь было море. Они вились над каждой кучей мусора, над каждым ведром, над каждой трещиной в асфальте.

Зейн смотрел на мужчин.

Они уже выходили из своих домов — таких же, как его, собранных из обломков цивилизации. Вот дядя Камаль, грузный мужчина с седой бородой, вытаскивает свою тележку, кряхтя и проклиная заевшее колесо. Вот братья Хасан и Хусейн, близнецы, которых вечно путают, смеются над чем-то, перекидываясь сигаретой. Вот старик Радван, которому, кажется, уже за восемьдесят, но он всё ещё сортирует пластиковые бутылки, сидя на корточках возле своего порога.

— Зейн!

Голос матери. Резкий, как удар хлыста, но за этим холодом всегда стояло тепло, которое он чувствовал кожей.

— Зейн, клянусь жизнью пророка, если ты сейчас же не спустишься, я приду на крышу с этой метлой, и ты у меня запоешь на другую мелодию!

Зейн усмехнулся. Он спрыгнул, не глядя, — знал каждую опору, каждую балку, за которую можно ухватиться. Он скользнул вниз по ржавой водосточной трубе, обжёг ладони, но не обратил внимания. Боль была привычной. Боль была частью его утра, как и запах мусора.

Он вошёл в дом.

Дом — громкое слово. Одна комната. В ней пахло жареным луком, который мать готовила вчера на ужин, и пылью, которая оседала на единственный шкаф. Стены были обклеены старыми газетами — «Аль-Ахрам» пятнадцатилетней давности, с фотографиями президента, который уже давно умер. Но для матери эти газеты были и обоями, и утеплителем. Зейн с детства знал все заголовки наизусть.

В углу, на матрасе, набитом соломой, лежал его отец.

Сулейман.

Он был когда-то высоким. Зейн помнил по фотографии, единственной, которая висела над дверью. Там отец стоял рядом с пирамидами, в белой галабье и с ярким шарфом на шее. Он улыбался. Он был красив.

Сейчас от той красоты не осталось ничего.

Сулейман был бледен, как известка. Кожа на его лице обтягивала скулы так туго, что казалось, она сейчас лопнет. Глаза ввалились, и под ними лежали фиолетовые круги, похожие на пятна старого вина. Он дышал тяжело, с присвистом, и каждый вдох давался ему с трудом, будто он тащил на себе камень.

— Доброе утро, отец, — сказал Зейн, опускаясь на колени рядом.

Он взял руку отца. Она была горячей и сухой, как лист бумаги на солнце.

Сулейман приоткрыл глаза. Его взгляд был мутным, но когда он увидел сына, в нём зажглась искра.

— Мой лев, — прошептал он. Голос был хриплым, как скрип несмазанного колеса. — Ты не спал?

— Спал, — солгал Зейн, улыбнувшись. — Я всегда сплю.

— Ты лжёшь мне в лицо, — отец слабо улыбнулся в ответ. — Это хороший знак. Ты умеешь лгать. Это значит, ты выживешь.

Зейн отвернулся, чтобы отец не увидел, как дрогнули его губы. Он не хотел плакать. Он давно запретил себе плакать. Слёзы — это вода, а вода в их квартале была роскошью. Они платили за воду. Он не собирался платить за свои слёзы.

Мать стояла у керосиновой плитки. Это была маленькая, почерневшая от копоти железная коробка, на которой она жарила хлеб и разогревала фуль — бобы, которые были их единственной едой. Фатима была женщиной с лицом, которое когда-то называли красивым. Теперь это было лицо человека, который слишком много работал и слишком мало ел.

— Садись, Зейн, — сказала она, не оборачиваясь. — Поешь, пока горячее.

— Я не голоден, мама.

— Я сказала — садись.

Это не было просьбой. Зейн сел на пол, скрестив ноги, и взял деревянную миску. Фуль был жидким, с кусочками чёрствого хлеба. Зейн ел медленно, чтобы растянуть удовольствие. Он знал, что больше сегодня есть будет нечего.

— Я пойду с дядей Камалем в центр, — сказал он, не поднимая глаз. — Он сказал, туристы вернулись. Можно собирать бутылки. Металл. За них платят в два раза больше, чем за картон.

Сулейман закашлялся. Это был страшный кашель — глубокий, рвущийся из самой груди, будто внутри у него работал отбойный молоток. Зейн замер. Мать подошла к отцу, положила руку её на лоб.

— Нет, — выдохнул Сулейман, когда приступ прошёл. — Ты не пойдёшь. Не сегодня.

— Отец...

— Я сказал — нет. Зейн сжал челюсти. В нём поднималась злость, но он заставил себя молчать. Он не мог перечить отцу. Больному. Слабому.

Но он знал одно: если он не пойдёт, они умрут с голоду. Сосед Абдуллах в прошлом месяце умер именно так. Просто лёг спать и не проснулся. Потому что три дня не ел.

— Я не боюсь полиции, — тихо сказал Зейн. — Я не боюсь их дубинок. Я быстрее их.

— Дело не в полиции, — ответила мать. Она села напротив него, положила свои сухие руки на его ладони. — Дело в том, что ты — всё, что у нас есть. Если они заберут тебя, я умру. Ты понимаешь? Я умру здесь, на этом полу, не дождавшись твоего отца. А он умрёт рядом со мной. И наш дом сожрут крысы.

Зейн смотрел на неё. Он видел морщинки вокруг её глаз, которых вчера не было. Или они были, но он не замечал.

— Хорошо, — сказал он. — Я останусь.

Но он соврал. Он знал, что уйдёт. Позже. Когда они оба уснут.

Внезапно в дверь постучали.

Это не был вежливый стук соседа, который пришёл за солью. Это был тяжёлый, глухой, ритмичный стук костяшек пальцев, которые привыкли не просить, а требовать. От этого звука у Зейна напряглись мышцы спины.

Он подошёл к двери и открыл. На пороге стоял Тауфик.

Тауфик был высоким, с бычьей шеей и лицом, изрытым оспой. Он носил дешёвую полиэстеровую рубашку навыпуск, которая топорщилась на его огромном животе, и вечно жевал зубочистку, которую он извлекал изо рта только для того, чтобы плюнуть.

— Салам, маленький крысёныш, — сказал он, скалясь. Золотой зуб блеснул на утреннем свету. — Позови отца.

— Он спит.

— Разбуди.

Зейн не двинулся. Он стоял в проёме, загораживая вход, хотя его плечи едва доходили до груди Тауфика.

— Чего тебе?

Тауфик сунул руку в карман и вытащил смятую бумажку. Он развернул её и помахал перед носом Зейна.

— Это долг. Два месяца, маленький герой. Твой отец должен хозяину две тысячи фунтов. Две тысячи. С процентами.

— У нас нет денег, — сказал Зейн, глядя прямо в глаза Тауфика.

— Тогда у вас нет и крыши над головой,

— Тауфик оттолкнул его. Не сильно, но достаточно, чтобы Зейн споткнулся о порог.

Тауфик вошёл внутрь. Он заполнил собой всё пространство. Его запах — дешёвый табак, пот и жареное мясо — смешался с запахом их дома.

— Сулейман, — сказал Тауфик, глядя на отца. — Просыпайся, старая развалина. Я пришёл не пить чай.

Сулейман открыл глаза. Он попытался сесть, но не смог. Он просто приподнялся на локтях, и этого ему стоило невероятных усилий.

— Тауфик... — прошептал он. — Дай мне ещё неделю. Я продам тележку.

— Тележку? — Тауфик расхохотался. — Твоя тележка стоит пятьсот фунтов, если её разобрать на гвозди. Ты мне должен две тысячи. Ты что, думаешь, я идиот?

Фатима подошла к Тауфику. Она стояла перед ним, маленькая, худая, но её плечи были расправлены, как у солдата. — Тауфик, — сказала она тихо. — Ты знаешь, что мой муж болен. Ты видишь, что у нас ничего нет. Будь человеком. Хотя бы на сегодня.

Тауфик посмотрел на неё. Его взгляд скользнул по её лицу, по её рукам, и в его глазах мелькнула хищная искра.

— Будь человеком? — он наклонился к ней. — А что ты мне дашь взамен, а, Фатима? У тебя ведь есть... кое-что ещё.

Зейн услышал это.

И в нём что-то перевернулось. Не гнев. Гнев был слишком слабым словом. Это был холодный, ледяной яд, который побежал по его венам, заполняя каждую клетку.

Он шагнул вперёд, между Тауфиком и своей матерью.

— Уйди, — сказал он.

Голос был тихий. Спокойный. Но в этом спокойствии была такая сила, что Тауфик, несмотря на свою массу, на мгновение замер.

— Что? — переспросил он.

— Я сказал: уйди из моего дома, — Зейн поднял голову. Он смотрел на Тауфика снизу вверх, и в его глазах горел тот самый огонь, который Сулейман видел в своё время. — И не смей смотреть на мою мать.

Тауфик опомнился. Его лицо побагровело. Он замахнулся, чтобы ударить мальчишку, но Зейн не моргнул.

— Ты, маленький...

— Если ты ударишь меня, — перебил Зейн, — я не упаду. Я вцеплюсь тебе в ногу и буду кусать, пока не доберусь до артерии. Потом я вырву тебе пальцы, один за одним. Начну с большого. Того, которым ты показываешь на мою мать.

Тишина повисла в комнате. Слышно было только, как сопит осёл снаружи. Сулейман с трудом приподнялся. Он опёрся о стену и встал. Весь его облик был — агония. Но он стоял.

— Тауфик, — сказал он. — Я продам тележку. И ковёр. И всё, что есть. Приходи в пятницу. Ты получишь свои деньги. А сейчас — уходи.

Тауфик перевёл взгляд с Зейна на Сулеймана. Он был зол. Но что-то в глазах этой семьи — голодный блеск в глазах мальчишки и мёртвая решимость больного отца — заставило его отступить.

— Пятница, — прорычал Тауфик, плюнув на пол у двери. — Если в пятницу здесь не будет денег, я вышвырну вас на улицу. Всех троих. И ваш дом сожгу дотла.

Он вышел, хлопнув дверью с такой силой, что с потолка посыпалась известь.

Фатима заплакала. Тихо, беззвучно, прижав ладонь ко рту.

Сулейман рухнул на матрас, его лицо стало белым, как саван.

Зейн стоял посередине комнаты. Его руки тряслись. Но это была не дрожь страха. Это была дрожь ярости, которая искала выход.

Он сел рядом с отцом и взял его руку.

— Я клянусь тебе, отец, — сказал он шёпотом. — Клянусь Аллахом и всем, что есть на этой земле. Я никогда больше не буду бедным. Никогда.

Сулейман посмотрел на него, и в его глазах застыла странная смесь гордости и ужаса.

— Бойся, Зейн, — сказал он. — Бойся своей ненависти. Она сожжёт тебя.

Зейн не ответил.

В ту ночь, когда луна спряталась за тучами, а его родители провалились в тяжёлый, больной сон, Зейн встал. Он надел свои рваные джинсы и старую рубашку, натянул на голову капюшон и вышел из дома.

Он шёл по тёмным переулкам Харет аль-Заббалинь. Мимо гор мусора, которые в темноте казались замками великанов. Мимо спящих ослов, которые вздрагивали во сне. Мимо домов, где кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то ругался.

Он вышел к главной дороге.

Там, в свете одинокого фонаря, стояла чёрная, лоснящаяся от дорогой краски машина. «Мерседес». Зейн не знал марок, но он знал эту. Потому что таких машин не было в его мире.

Окно опустилось. Там, внутри, в полумраке салона, сидел мужчина в белоснежном костюме. Его лицо было красивым, как у статуи, но его глаза... они были холодными, как вода в Ниле в январе.

Он курил сигару. Дым тянулся вверх, таял в ночи.

— Ты Зейн? — спросил мужчина.

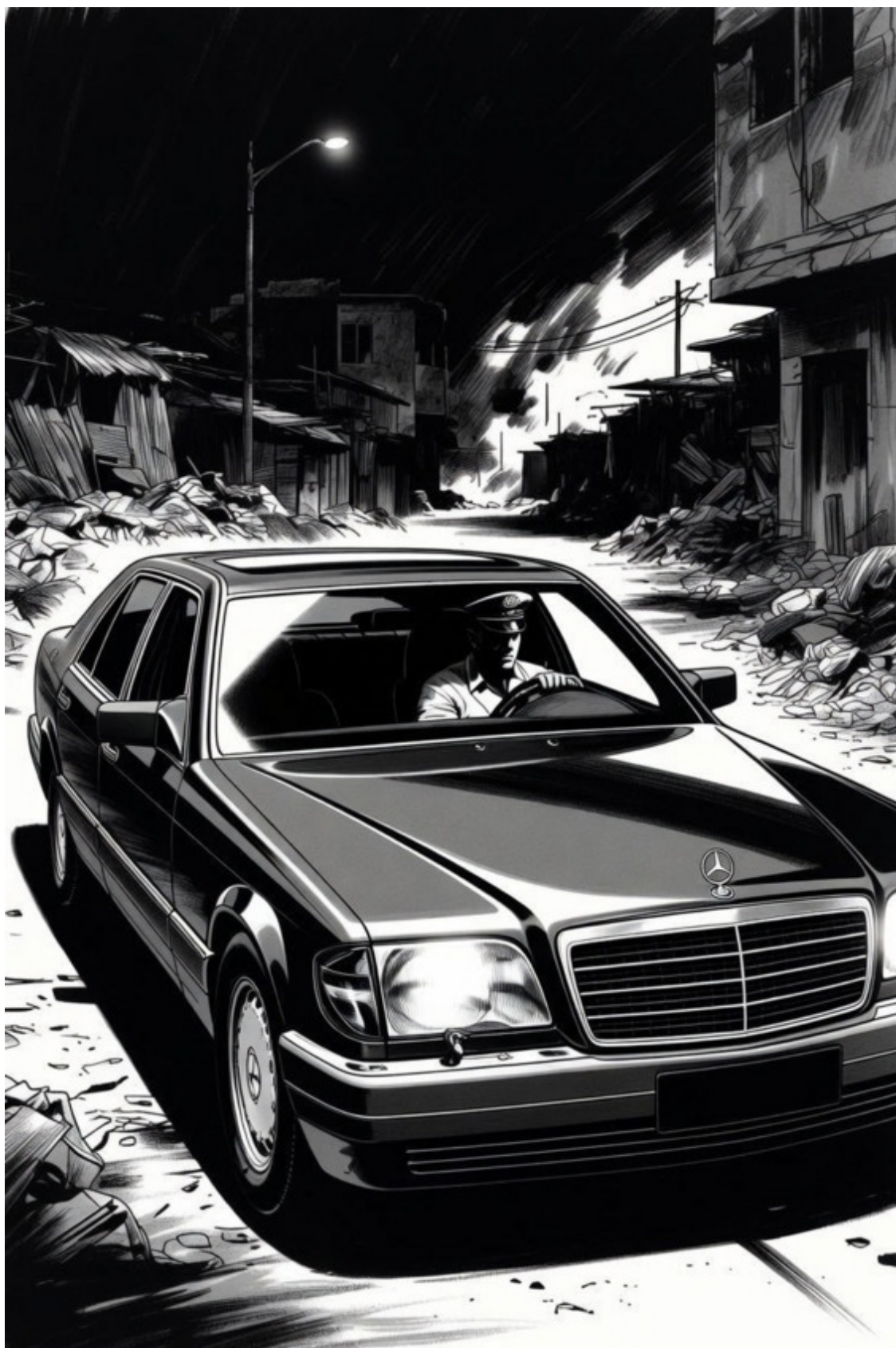
Голос был глубоким, бархатным. Опасным.

Зейн подошёл ближе. Его сердце колотилось, но он держал руки в карманах, чтобы мужчина не видел, как они дрожат.

— Кто ты? — спросил Зейн.

Мужчина улыбнулся.

— Меня зовут Рашид эль-Манкабади, — сказал он. — Но ты, мальчик, можешь звать меня просто... хозяин.

Глава вторая: Дом, где не пахнет мусором

Ночь в Харет аль-Заббалинь была чёрной, как старая патока.

Но та ночь, когда Зейн увидел чёрный «Мерседес», была иной. Она пахла не гнилью, а дорогим одеколоном, который доносился из приоткрытого окна машины. Этот запах был чужим. Он был запахом другого мира, мира, где люди не просыпаются от крика петуха, а засыпают под звуки джаза.

Рашид эль-Манкабади не торопился. Он докурил сигару, аккуратно погасил её о стекло, и только потом открыл дверцу.

— Садись, — сказал он, жестом указывая на переднее сиденье.

Зейн не двинулся.

— Я не сажусь в машины незнакомцев,

— ответил он, и его голос звучал твёрже, чем он чувствовал себя внутри.

Рашид улыбнулся. Улыбка была красивой — правильные белые зубы, лёгкая щетина, глаза, которые шурились, но не теряли остроты.

— Ты прав, — сказал Рашид. — Незнакомцы опасны. Но я не незнакомец. Я знаю твоего отца.

Зейн вздрогнул.

— Моего отца? — переспросил он, и в его голосе проскользнула нота уязвимости, которую он тут же попытался спрятать. — Сулеймана? Откуда ты его знаешь?

Рашид откинулся на спинку сиденья и на мгновение замолчал. Его лицо стало серьёзным — впервые за весь разговор.

— Твой отец, — начал он медленно, — когда-то был не мусорщиком. Он был моим шофёром.

Зейн замер. В его голове эта информация не укладывалась. Отец — шофёр? У человека, который ездит на «Мерседесе»? Он посмотрел на свои сандалии, на потрескавшуюся резину, на грязь под ногтями, и снова поднял глаза на Рашида.

— Ты лжёшь, — сказал он, но в его голосе не было убеждённости.

— Я не лгу никогда, — ответил Рашид. — Ложь — это для слабых. Сильные говорят правду, даже когда она режет горло. Твой отец работал на меня десять лет назад. Он был лучшим. Он знал все улицы Каира, все переулки, все пробки. Он мог довезти меня из центра в аэропорт за двадцать минут в час пик. Он был... надёжным.

— Что случилось? — вырвалось у Зейна.

Рашид посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах промелькнула тень — то ли сожаления, то ли воспоминания.

— Твой отец попытался быть честным, — сказал он. — Слишком честным. Он увидел то, что ему не следовало видеть. И он выбрал уйти. Я предложил ему деньги, дом, работу. Он отказался. Он сказал, что не хочет, чтобы его сын вырос в этом мире. Он ушёл в мусорщики. Потому что, видишь ли, мальчик, быть мусорщиком — это быть невидимым. Ты видишь всё, но никто не видит тебя.

Зейн стоял, переваривая эту информацию. Мир вокруг него вдруг стал иным. Лачуга, в которой он жил, перестала быть просто лачугой. Она стала местом, куда его отец пришёл, чтобы спрятаться.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил Зейн. — Зачем ты приехал сюда?

Рашид открыл дверцу машины шире.

— Потому что я вижу в тебе то же, что видел в нём, — сказал он. — Ты умён. Ты смел. Ты не боишься умереть. Но в отличие от твоего отца, ты не хочешь быть невидимым. Ты хочешь быть замеченным.

Зейн посмотрел на машину. На её чёрный, как вороново крыло, кузов. На хромированные колёса, которые сверкали даже в темноте. На салон, обтянутый кожей, которая, как он знал, стоит больше, чем весь их квартал.

Он думал о своём отце. О его кашле. О его мокроте с кровью. О матери, которая плакала в подушку, когда думала, что никто не слышит.

— Что я должен сделать? — спросил Зейн.

Рашид улыбнулся, и на этот раз в его улыбке не было холода. Была... гордость?

— Пока ничего, — сказал он. — Просто садись в машину. Я хочу тебе кое-что показать. А потом ты решишь.

Зейн сел.

Дверца захлопнулась за ним с глухим, бархатным звуком, который был так не похож на скрип его собственной двери. Салон был прохладным. Кондиционер работал на полную мощность, и Зейн почувствовал, как мурашки побежали по его рукам. Он никогда раньше не был в машине с кондиционером.

— Пристегнись, — сказал Рашид, нажимая кнопку запуска двигателя.

Зейн не знал, как это делается. Он начал дёргать ремень, пытаясь вставить его в замок, но руки дрожали.

Рашид спокойно протянул свою руку, взял ремень и с лёгким щелчком застегнул его.

— Расслабься, — сказал он. — Ты не на допросе.

Машина тронулась.

Они выехали из Харет аль-Заббалинь через узкую, разбитую дорогу, которая вела вверх, к цивилизации. Зейн смотрел в окно. Он видел, как его квартал исчезает в зеркале заднего вида — сначала отдельные огни, потом чёрная масса, потом просто пятно.

Они выехали на шоссе.

Каир ночью был другим. Он был золотым. Огни высоких зданий, рекламные вывески, фары встречных машин, которые проносились мимо с шипением шин. Зейн прижался лицом к стеклу, как ребёнок, который впервые увидел море.

Он увидел мост. Огромный, вантовый, подсвеченный синими и белыми огнями, через который они проехали.

— Это мост 6 Октября, — сказал Рашид, не поворачивая головы. — Назван в честь войны.

— Я знаю, — ответил Зейн, хотя на самом деле не знал. Он просто не хотел выглядеть глупо.

Рашид усмехнулся.

— Ты гордый. Это хорошо. Гордые люди не сдаются. Но помни, Зейн: гордость — это оружие. Им можно и победить, и проиграть.

Они съехали с моста в район, которого Зейн никогда не видел. Широкие улицы, пальмы, ухоженные газоны. Здания были высокими, с балконами, на которых стояли горшки с цветами, и даже в темноте было видно, как они ухожены.

Машина остановилась перед рестораном.

Он назывался «Лейли». Вывеска горела неоновыми буквами, которые переливались от розового к синему и обратно. Перед входом стояли ковры, а на дверях — золотые ручки.

Рашид вышел из машины. Швейцар, высокий мужчина в красном мундире и феске, тут же открыл перед ним дверь.

— Идём, — сказал Рашид, глядя на Зейна через стекло.

Зейн вышел. Его ноги ступали по ковру, и это было странно — мягко, тихо. Он привык к твёрдой земле, к камням, к грязи. А здесь было чисто. Так чисто, что он боялся дышать.

Внутри ресторан был огромен. Белые скатерти на столах, хрустальные вазы с живыми розами, музыка — тихая, восточная, с нотой печали. Люди сидели за столами: мужчины в

дорогих костюмах, женщины в платьях, сверкающих золотом. Они пили вино из тонких бокалов и смеялись.

Зейн почувствовал себя чужаком. Его рваные джинсы, его старые сандалии, его грязная рубашка — они кричали о нём. Но он не опустил голову. Он шёл за Рашидом, выпрямив спину, глядя прямо перед собой.

Они сели за отдельный столик, в углу, откуда было видно весь зал.

— Ты голоден? — спросил Рашид.

Зейн хотел сказать «нет», но его желудок предательски заурчал. Рашид улыбнулся и что-то сказал официанту на французском. Тот кивнул и исчез.

— Ты не извиняйся, — сказал Рашид. — Голод — это не стыдно. Стыдно — быть голодным, когда есть возможность не быть.

Официант принёс тарелку. На ней лежал огромный кусок мяса, политый соусом, с овощами и рисом. Зейн никогда не видел такой еды. Он сглотнул.

— Ешь, — сказал Рашид. — Медленно. Наслаждайся.

И Зейн начал есть. Но он не набрасывался, как бешеный зверь. Нет. Он вспомнил, как отец всегда говорил: «Еда — это подарок. Ешь её так, будто это последний раз, но не так, будто завтра не наступит».

Он ел аккуратно, маленькими кусочками, жуя каждый раз. Он чувствовал вкус мяса, соуса, риса, и этот вкус был чем-то большим, чем просто еда. Это был вкус другого мира.

Рашид молчал, наблюдая. Он пил арак — прозрачный напиток, который мутнел, когда в него добавляли воду.

— Теперь ты видишь, — сказал он наконец. — Как живут те, кто наверху.

— Я вижу, — ответил Зейн, вытирая рот салфеткой. — Но почему ты показываешь это мне?

Рашид поставил бокал на стол. Он наклонился вперёд, и его голос стал тише, но острее.

— Потому что я ищу человека, — сказал он. — Человека, который не будет бояться. Который не будет просить пощады. Который сможет смотреть смерти в лицо и улыбаться. Твой отец был таким. Но он ушёл. И теперь я вижу, что он воспитал сына.

Зейн смотрел на него, и его сердце билось ровно. Тихо. Спокойно.

— Я не сделаю того, что не могу понять, — сказал Зейн. — Сначала скажи, что я должен сделать.

Рашид усмехнулся. — Умный мальчик, — сказал он. — Хорошо. Я скажу.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел на потолок, на люстру, которая сверкала огнями.

— В Каире есть люди, — начал он, — которые думают, что они могут управлять всем. Они берут деньги с бедных, продают лицензии, забирают землю. Они называют себя бизнесменами, политиками, судьями. Но на самом деле они — воры. Они украли город.

— И ты хочешь, чтобы я... убил их? — спросил Зейн, и его голос не дрогнул.

Рашид рассмеялся. Громко, искренне, так, что несколько людей за соседними столиками обернулись.

— Нет, мальчик. Убивать — это грубо. Это последнее средство. Я хочу, чтобы ты стал моими глазами. Ушами. Ты — никто. Ты — мальчик из мусорного квартала. Тебя не замечают. Люди говорят при тебе правду, потому что думают, что ты не понимаешь. А ты понимаешь.

Зейн кивнул.

— А если они поймут, кто я?

— Тогда ты будешь защищаться, — сказал Рашид, и его глаза стали холодными, как лёд. — И я дам тебе всё, что нужно для этого. Деньги. Оружие. Имена. Всё.

Он протянул руку через стол. На его безымянном пальце сверкнул перстень с чёрным камнем.

— Но запомни, Зейн, — сказал он. — Ты не можешь выйти из этой игры. В неё входят навсегда. Как только ты скажешь «да», ты больше не сможешь сказать «нет». Ты понимаешь?

Зейн посмотрел на перстень. На чёрный камень, который блестел в свете люстры. Он подумал о Тауфике. О его матери, плачущей в подушку. Об отце, который умирал медленной смертью из-за того, что когда-то был честным.

И он сказал:

— Я согласен.

Рашид улыбнулся. Он снял свой перстень и протянул его Зейну.

— Это будет знаком, — сказал он. — Покажи этот перстень, и мои люди будут знать, что ты свой. Но береги его. Он стоит больше, чем жизнь любого человека в этом городе.

Зейн надел перстень. Он был тяжёлым. Он чувствовал его вес на своём пальце, и этот вес был странным — он давил, но одновременно придавал силы.

— А теперь, — сказал Рашид, вставая, — я отвезу тебя обратно. Завтра у тебя будет первый урок.

— Какой урок? — спросил Зейн.

Рашид надел пиджак и поправил галстук. — Ты узнаешь завтра. А сейчас иди спать. Ты — больше не мусорщик, Зейн. Ты — моё оружие.

Они вышли из ресторана. Ночь была тёплой, влажной, пахла цветами и пылью. Зейн сел на то же место в машине.

На обратном пути он почти не смотрел по сторонам. Он смотрел на перстень. На чёрный камень, который переливался в свете уличных фонарей.

Он думал о том, что впервые в жизни у него есть что-то, что принадлежит только ему. Что-то ценное. Что-то, что никто не сможет отнять.

Когда машина остановилась у знакомых ворот Харет алб-Заббалинь, Зейн вышел. Он не поблагодарил Рашида. Он просто кивнул.

Рашид ответил тем же.

— Удачи, мальчик, — сказал он, и машина уехала, оставив Зейна одного в темноте.

Он пошёл обратно к своему дому. Но он шёл медленно. Он смотрел на небо, которое уже начинало сереть. Наступал новый рассвет.

Когда он вошёл в дом, отец спал. Мать тоже. Он лёг на своё место на полу, но не сомкнул глаз.

Он смотрел в потолок, на газеты, которые шевелились от ветра, и думал:

«Я не умру здесь. Я не умру бедным. Я умру, но не сейчас».

И он уснул. Впервые за долгое время — без кошмаров.

Глава третья: Первый урок

// Каир. Центр. Район Гарден-Сити. 8:15 утра //

Солнце уже поднялось над Нилом, и его лучи прорезали утренний смог, превращая реку в расплавленное золото. Вода текла медленно, лениво, как старая змея, и на её поверхности покачивались лодки — белые, с синими полосами, готовые отвезти туристов на остров Зама-лек. Но здесь, на набережной Гарден-Сити, туристов почти не было. Здесь были другие люди.

Люди с деньгами.

Улица была широкой, вымощенной серой плиткой, которая местами треснула от жары и времени. Вдоль неё стояли высоченные пальмы — не те, что растут в пустыне, а привозные, с юга, с зелёными кронами, которые шуршали на ветру, как шёпот сотен голосов. За пальмами тянулись здания. Старые колониальные особняки, перестроенные под офисы и посольства, с балконами, украшенными кованым железом, и окнами, за которыми висели тяжёлые бархатные шторы.

Возле одного из таких зданий стояла чёрная машина.

«Мерседес» Рашида.

Он ждал.

Внутри салона было тихо. Кондиционер работал бесшумно, и воздух был прохладным, пахнувшим кожей и чем-то сладковатым — возможно, духами, которые остались от женщины, сидевшей здесь накануне. Рашид сидел на заднем сиденье, откинувшись на спинку, и смотрел в окно. На его коленях лежал планшет, но экран был тёмным.

Он ждал.

В зеркале заднего вида отражался шофёр — мужчина лет сорока, с короткой стрижкой и шрамом на левой щеке, похожим на кривую молнию. Его звали Самир. Он был молчаливым, как стена, и никогда не задавал вопросов. Только смотрел вперёд, на дорогу, и ждал команд.

— Самир, — сказал Рашид, не поднимая глаз. — Который час?

— Восемнадцать минут девятого, хозяин, — ответил Самир голосом, похожим на скрежет гравия.

— Он опоздал.

— Он идёт.

Рашид поднял взгляд. Через тонированное стекло он увидел фигуру, которая двигалась по тротуару. Маленькая, худая, но с прямой спиной. Она шла неспешно, но уверенно, как человек, который не боится опоздать, потому что знает — его будут ждать.

Это был Зейн.

Он был одет в ту же старую рубашку, что и вчера, но её он засунул в джинсы и подпоясал верёвкой, чтобы она не болталась. На ногах — старые сандалии, в которых один ремешок был порван и связан узлом. Голова была непокрыта, и чёрные, жёсткие волосы торчали в разные стороны, как колючки.

Зейн подошёл к машине и остановился. Он не постучал в окно. Просто стоял и ждал.

Рашид опустил стекло.

— Ты опоздал, — сказал он.

— Я не знал, где это, — ответил Зейн. — Я шёл пешком от Мокаттама. Шесть километров.

Рашид усмехнулся.

— Садись.

Зейн открыл дверцу и сел на заднее сиденье, рядом с Рашидом. Кожа под ним была тёплой, мягкой, и он снова почувствовал себя чужим в этом мире.

— Пристегнись, — сказал Рашид.

Зейн застегнул ремень. На этот раз у него получилось быстрее.

— Самир, — сказал Рашид. — В порт.

Машина тронулась, бесшумно вливаясь в утренний поток машин. Зейн смотрел в окно на проплывающие мимо здания — посольства, гостиницы, дорогие магазины с витринами, в которых стояли манекены в платьях, стоивших больше, чем его дом.

Он молчал. Рашид тоже молчал.

— Ты хочешь спросить, куда мы едем, — сказал наконец Рашид. — Но ты не спрашиваешь. Почему?

— Потому что ты скажешь сам, когда придёт время, — ответил Зейн.

Рашид повернул голову и посмотрел на него долгим, изучающим взглядом.

— Ты быстро учишься, — сказал он. — Это хорошо. Но это и опасно. Быстрые ученики часто становятся слишком умными. А слишком умные — начинают думать, что они знают лучше хозяина.

— Я не умнее тебя, — ответил Зейн. — Я просто слушаю.

Рашид улыбнулся, но улыбка была не весёлой, а одобрительной, как у учителя, который увидел, что ученик делает успехи.

— Сегодня, — начал он, — ты узнаешь, что такое наблюдать. Не просто смотреть — а видеть. Каждую деталь. Каждое лицо. Каждое движение.

— Я уже умею, — сказал Зейн. — В нашем квартале я знаю всех. Кто встаёт, когда. Кто идёт куда. Кто берёт в долг, а кто возвращает.

— В твоём квартале — это игра, — перебил его Рашид. — А здесь — это война. Здесь люди не просто обманывают. Здесь люди убивают. Не всегда ножом или пулей. Иногда словом. Иногда молчанием. Сегодня ты увидишь, как выглядит настоящая смерть. Не та, что приходит с возрастом или болезнью. А та, что приходит по приказу.

Зейн слотнул. Он чувствовал, как его пальцы сжались в кулаки, но он заставил себя расслабиться.

Машина выехала на набережную. Слева открылся вид на Нил — широкий, серо-голубой, с лодками, которые уже начали свой дневной круиз. Справа тянулись старые склады, портовые краны, контейнеры, сложенные штабелями, как гигантские кубики.

Они въехали в порт.

— —

// Каир. Порт Булак. 8:42 утра //

Порт Булак был старым, как сам Каир. Когда-то здесь разгружали суда с товарами из Европы и Азии. Теперь здесь кипела другая жизнь — жизнь чёрного рынка, контрабанды и тайных сделок.

Зейн вышел из машины и огляделся.

Воздух был влажным и тяжёлым, пах рыбой, мазутом и гнилыми канатами. Вокруг сновали грузчики — мужчины в рваных майках, с бронзовой от солнца кожей, с потными лицами и руками, покрытыми мозолями. Они таскали ящики, ругались, смеялись, перекрикивали друг друга.

Где-то вдалеке гудел корабль. Низкий, протяжный звук, похожий на плач кита.

Рашид вышел из машины и остановился. Он был в том же белом костюме, но теперь на нём были тёмные очки, скрывающие глаза.

— Иди за мной, — сказал он Зейну. — Не отставай. Не говори ничего. Не смотри никому в глаза дольше трёх секунд. Понял?

Зейн кивнул.

Они пошли по узкому проходу между контейнерами. Металл грохотал под ногами, эхо разносилось по всему порту. Мимо них прошли двое мужчин — один с татуировкой на шее,

другой с пустым рукавом, который болтался на ветру. Они кивнули Рашиду, но не сказали ни слова.

Рашид не ответил на приветствие.

Они остановились у большого, ржавого контейнера. На его боку была белая краской нацарапана цифра — «47».

Рашид постучал по металлу три раза. Пауза. Потом ещё два.

Контейнер открылся.

Внутри было темно, но оттуда доносился запах — сладковатый, приторный, чуть металлический. Зейн не мог понять, чем он пах. Но его желудок сжался, будто предупреждая об опасности.

Рашид шагнул внутрь. Зейн за ним.

Глаза привыкали к темноте. Сначала Зейн увидел только силуэты — мужчины, стоящие вдоль стен. Их было трое. Высокие, плечистые, в чёрных рубашках. У одного из них в руках была палка — не дубинка, а именно палка, как у пастуха.

А потом Зейн увидел.

Посередине контейнера, на деревянном стуле, сидел человек. Его руки были связаны за спиной, а лицо — разбито. Глаза заплыли, губы распухли, кровь текла из носа и засыхала на подбородке. Он был без рубашки, и на его груди виднелись следы от ударов — багровые и фиолетовые, как грозовые тучи.

Зейн замер.

— Это Абдуллах, — сказал Рашид спокойно, будто представлял нового сотрудника. — Он работал на меня. Возил деньги. Вчера он решил, что ему нужно больше, чем я ему плачу. Он взял девять тысяч фунтов из кассы и сказал, что это была «кража».

Абдуллах поднял голову. Из его разбитого рта вырвался хрип.

— Я не брал... — прошептал он. — Клянусь Аллахом... это не я...

— Ты не брал, — повторил Рашид насмешливо. — Тогда почему деньги нашли в твоей сумке?

— Меня подставили...

Рашид покачал головой. — Ложь — это тоже кража, — сказал он.

— Кража правды. А я, Абдуллах, ненавижу воров. Всех воров.

Он обернулся к Зейну.

— Ты знаешь, что делают с ворами в этом мире?

Зейн молчал. Его горло пересохло.

— Они теряют то, что ценят больше всего, — продолжил Рашид. — Абдуллах любил свои руки. Потому что они умели считать деньги. Сейчас мы научим его считать по-новому.

Он кивнул одному из мужчин.

Тот шагнул вперёд, достал из кармана небольшой молоток и подошёл к Абдуллаху.

Зейн смотрел. Он не мог отвести взгляд.

— Подойди, — сказал Рашид, глядя на него. — Ближе. Ты должен это видеть.

Зейн шагнул вперёд, и его ноги дрожали, но он не упал. Он встал прямо перед Абдуллахом, на расстоянии вытянутой руки.

Абдуллах смотрел на него. В его глазах был страх. Чистый, животный страх, который не мог солгать.

— Я не брал... — прошептал он снова. — Скажи ему... пожалуйста...

Зейн посмотрел на связанные руки Абдуллаха. На пальцы, которые дрожали.

— Ты знаешь, сколько денег у меня было? — спросил Рашид. — Вчера, до того как ты их взял?

— Я не брал! — крикнул Абдуллах. — Я клянусь...

Рашид вздохнул.

— Жаль, — сказал он. — Потому что я дал бы тебе второй шанс. Если бы ты признался. Если бы ты был честным.

Он посмотрел на мужчину с молотком.

— Разбей ему пальцы. Все. По одному. Медленно.

— Нет! — закричал Абдуллах. — Нет, я признаюсь! Я взял! Я взял деньги! Прости меня, хозяин, прости!

Рашид поднял руку. Мужчина замер.

— Слишком поздно, — сказал Рашид. — Ты солгал мне в лицо. Ты заставил меня тратить время. Ты заставил меня везти сюда мальчика, чтобы он видел, что бывает с теми, кто ворует.

Зейн смотрел на Абдуллаха. На его глаза, полные слёз и отчаяния.

И в этот момент он понял: это не просто жестокость. Это — урок. Рашид показывал ему, что будет, если он когда-нибудь предаст.

Абдуллах закричал, когда молоток опустился в первый раз.

Звук был мокрым, глухим, как удар по гнилой тылке. Абдуллах дёрнулся, и его крик стал ещё громче.

Зейн не отвел взгляд. Он заставил себя смотреть, запоминать.

Он считал удары.

Один... Два... Три...

После пятого Абдуллах потерял сознание.

— Остановись, — сказал Рашид.

Мужчина с молотком отступил.

Рашид подошёл к Зейну и положил руку на его плечо. Его прикосновение было лёгким, почти дружеским.

— Теперь ты знаешь, — сказал он. — Этот мир не прощает ошибок. Ты понял?

Зейн кивнул.

— Говори, — сказал Рашид. — Я хочу слышать твой голос.

— Я понял, — сказал Зейн. Его голос был ровным, хотя внутри всё кипело.

— Что ты понял?

— Что ты — хозяин. И что я никогда не должен лгать тебе. Никогда. Даже в мелочах.

Рашид улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Умный мальчик. Теперь иди. Жди меня у машины.

Зейн повернулся и вышел из контейнера. Когда он вышел на свет, он почувствовал, как его ноги подкашиваются. Он опёрся о стену соседнего контейнера, и его вырвало. Жёлчью и остатками вчерашнего мяса.

Он стоял на коленях в пыли, дыша тяжело, и чувствовал, как мир плывёт у него перед глазами.

Через несколько минут к нему подошёл Рашид. Он стоял рядом, глядя на него сверху вниз, и в его глазах не было ни сочувствия, ни жалости.

— Твоя первая рвота, — сказал он. — Не последняя. Но запомни это чувство. Потому что оно научит тебя быть осторожным. А осторожность — это жизнь.

Зейн поднялся. Он вытер рот рукавом и посмотрел на Рашида.

— Я готов, — сказал он.

— Нет, — ответил Рашид. — Ты ещё не готов. Но ты будешь. Иди в машину. Самир отвезёт тебя домой. Завтра в семь утра ты будешь на том же месте. На набережной Гарден-Сити. Не опаздывай.

Зейн пошёл к машине. Его шаги были нетвёрдыми, но он не падал.

Он сел на заднее сиденье и закрыл глаза.

Машина тронулась.

Он не смотрел в окно. Он сидел, вцепившись пальцами в колени, и в его голове прокручивалась одна картина: лицо Абдуллаха, разбитое и мокрое от слёз, и звук молотка, бьющего по костям.

Он знал теперь, что такое этот мир.

Это был ад.

Но он решил, что станет в этом аду королём.

— —

Когда машина остановилась у ворот квартала, Зейн вышел. Он поблагодарил Самира, и тот просто кивнул, не произнеся ни слова.

Зейн медленно брел по знакомым переулкам, мимо гор мусора, мимо спящих ослов, мимо детей, которые играли в футбол разбитой бутылкой. Они кричали, смеялись, и их смех был таким простым, таким нормальным, что Зейну казалось, что он вернулся в другой мир.

Он вошёл в свой дом.

Отец сидел на своём матрасе. Он не спал. Он ждал.

— Где ты был? — спросил Сулейман. Его голос был слабым, но в нём звучала сталь.

— Гулял, — ответил Зейн.

— Не лги мне, — сказал Сулейман. — Я видел, как машина уезжала вчера ночью. Я слышал мотор. Это был «Мерседес». Я знаю этот звук.

Зейн замер.

— Отец...

— Ты видел Рашида, — сказал Сулейман. Это был не вопрос. Это было утверждение.

Зейн опустил голову.

— Да. Сулейман медленно поднялся. Его тело дрожало, но он встал. Он подошёл к сыну и взял его за плечи.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Зейн поднял глаза.

В глазах Сулеймана была боль. Старая, глубокая боль, которую он носил в себе много лет.

— Я ушёл от него, — сказал он. — Я ушёл, чтобы ты не стал таким, как он. А ты пошёл к нему сам. Зачем?

— Чтобы мы не умерли с голоду, — ответил Зейн. — Чтобы Тауфик не забрал наш дом. Чтобы ты пошёл к врачу. Чтобы у нас была еда. Чтобы мы жили.

Сулейман покачал головой.

— Ты думаешь, что это жизнь, — сказал он. — Но это — не жизнь. Это — смерть. Медленная, долгая. Он будет использовать тебя, Зейн. Он будет сжигать тебя изнутри, кусок за куском. И когда от тебя ничего не останется, он выбросит тебя, как пустую бутылку.

— Тогда я буду сильным, — сказал Зейн.

— Я не дам ему сжечь меня. Я буду нужен ему. Я буду полезен. Я буду незаменим.

Сулейман посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты гордый, как твоя мать, — сказал он. — Это твоя сила и твоя слабость. Но помни: Рашид не прощает ошибок. И если ты оступишься, он убьёт тебя. Или, что хуже, он убьёт нас. Твою мать. Меня.

Зейн посмотрел на отца. В его голове пронеслась картина — Абдуллах на стуле, молоток, крик.

Он сжал кулаки.

— Я не оступлюсь, — сказал он. — Клянусь тебе.

Сулейман отпустил его плечи и отвернулся.

— Аллах да хранит тебя, — сказал он. — Ты не знаешь, во что ввязался.

— Знаю, — ответил Зейн. — Я знаю, во что я ввязался.

Он подошёл к своей матери, которая стояла в углу и не проронила ни слова. Она плакала. Беззвучно. Как всегда.

Зейн обнял её. — Всё будет хорошо, мама, — сказал он. — Я обещаю.

Она не ответила. Она просто прижалась к нему, и Зейн почувствовал, как её плечи дрожат.

— —

Во второй половине дня к ним пришёл сосед дядя Камаль. Он принёс немного хлеба и сыра.

— Возьми, — сказал он. — У меня дети сыты. А ты, Фатима, знаешь, что мы не бросаем своих.

Фатима поблагодарила его, и Зейн взял кусок хлеба. Он был чёрствым, но он ел его, не чувствуя вкуса.

Он смотрел на перстень, который спрятал в карман. Он не хотел, чтобы его видели.

Он думал о завтрашнем дне.

Он думал о том, что будет дальше.

Но впервые в жизни он не боялся.

Глава четвёртая: Тени учатся молчать

//

Каир. Гарден-Сити. Набережная Нила. 6:47 утра //

Небо над Каиром было ещё бледным, как старая ткань, которую много раз стирали в горячей воде. Солнце только начинало подниматься из-за холмов Мукаттам, и его первые лучи касались шпилей мечетей, превращая их в золотые иглы, пронзающие серый утренний воздух. Нил лежал неподвижно, как зеркало, в котором отражались очертания пальм и старых зданий на другом берегу. Только изредка по его гладкой поверхности пробегала рябь — это рыбаки на своих узких лодках бесшумно скользили по воде, выбрасывая сети, которые падали с мягким плеском, похожим на вздох.

Зейн стоял на набережной. Один.

Он пришёл рано. На час раньше, чем велел Рашид. Ему нужно было время, чтобы привыкнуть к этому месту, чтобы почувствовать его дыхание, его пульс.

Он смотрел на воду.

Нил пах влажной землёй, рыбой и чем-то сладковатым — возможно, цветами, которые росли в садах на противоположном берегу. Запах был чужим. Не его. Но Зейн вдыхал его глубоко, стараясь запомнить.

Вокруг просыпался город. Слышно было, как где-то далеко, за рядами зданий, начинает гудеть утренний трафик — первые машины, автобусы, грузовики. Где-то кричал продавец овощей, его голос был высоким и заунывным, как молитва. Где-то хлопала дверь, и женский голос звал детей завтракать.

Зейн закрыл глаза.

Он думал о вчерашнем дне. О порте. О контейнере. О молотке и о том, как хрустят кости. Он думал о своём отце, который смотрел на него с болью и страхом.

Он сжал перстень в кармане. Тяжёлый. Холодный.

— Ты рано.

Голос раздался сзади. Зейн обернулся.

Рашид стоял в десяти шагах от него. На нём был тот же белый костюм, но сегодня галстук был синим, и на лацкане пиджака поблёскивала маленькая золотая булавка в виде сокола. Он не выглядел уставшим — он выглядел так, будто никогда не спит, будто время для него не имеет значения.

— Я пришёл посмотреть на Нил, — ответил Зейн.

— Хорошо, — сказал Рашид. — Ты учишься видеть. Это важно. Нил — это жила Каира. Он течёт через всё. Через богатство и бедность. Через жизнь и смерть. Если ты научишься читать реку, ты научишься читать город.

Он подошёл ближе и встал рядом с Зейном, глядя на воду.

— Что ты видишь? — спросил он.

Зейн посмотрел на реку. Он видел воду. Он видел лодки. Он видел отражения.

— Я вижу людей, — сказал он. — Тех, кто работает. И тех, кто смотрит.

— А кого больше?

— Тех, кто работает.

Рашид усмехнулся.

— Ты прав. Но ты не видишь главного.

— Что я не вижу? — Ты не видишь тех, кто управляет, — сказал Рашид. — Они не здесь. Они в своих офисах, в своих домах, в своих машинах. Они не пачкают руки. Но они получают деньги с каждого, кто ловит рыбу, с каждой лодки, с каждого килограмма улова. Ты видишь

рыбаков. А я вижу их хозяев. Разница между нами, Зейн, в том, что ты смотришь на то, что есть. А я смотрю на то, что стоит за этим.

Зейн кивнул. Он запоминал каждое слово.

— Сегодня, — продолжил Рашид, — ты начнёшь учиться. Ты будешь молчать, слушать и смотреть. Без вопросов. Без комментариев. Ты — тень. Ты — стена. Ты — воздух. Ты будешь ходить за мной и запоминать всё. Лица. Имена. Детали. Если кто-то заговорит с тобой, ты отвечаешь односложно. Ты понял?

— Понял, — ответил Зейн.

— Хорошо. Идём.

Они пошли вдоль набережной. Рашид шёл медленно, спокойно, как человек, который никуда не спешит, потому что знает, что весь мир будет ждать его. Зейн шёл чуть позади, на полшага, как тень.

Они прошли мимо кафе, которое только открывалось. Официанты выносили стулья на улицу, расставляя их у маленьких мраморных столиков. Внутри пахло свежим хлебом и турецким кофе. Рашид остановился, и из кафе вышел мужчина — высокий, худой, с седыми усами и глазами, которые смотрели остро, как лезвия.

— Салям, Рашид, — сказал он.

— Салям, Джамаль, — ответил Рашид. — Как дела?

— Как всегда. Клиенты платят, но медленно. Ты знаешь, как это бывает.

— Знаю, — сказал Рашид. Он кивнул в сторону Зейна. — Это мой новый ученик. Зейн. Джамаль посмотрел на мальчика. Его взгляд был цепким, оценивающим.

— Маленький, — сказал он.

— Но острый, — ответил Рашид.

Джамаль усмехнулся и протянул Зейну руку. Зейн пожал её. Ладонь была сухой и жёсткой.

— Добро пожаловать в мир теней, мальчик, — сказал Джамаль. — Здесь не бывает рассветов, только сумерки. Ты готов к этому?

— Я готов ко всему, — ответил Зейн, глядя ему прямо в глаза.

Джамаль кивнул и повернулся к Рашиду.

— Заходи вечером. У меня есть новости.

— Приду, — сказал Рашид, и они двинулись дальше.

— —

// Каир. Район Дар аль-Салам. Улица Аль-Файюм. 9:15 утра //

Они свернули в узкую, тенистую улицу, где дома стояли вплотную друг к другу, образуя коридор, в который едва проходила машина. Стены были выкрашены в жёлтый и белый цвета, но краска облупилась, открывая старую, серую штукатурку. Над головой, между балконами, были натянуты верёвки, на которых сушилось бельё — простыни, рубашки, детские платья. Они колыхались на ветру, как флаги.

Воздух здесь был другим — влажным, тёплым, пахнущим мокрым деревом и мылом.

Рашид остановился у дома с синей дверью. Он постучал. Три раза. Коротко. Ритмично.

Дверь открыла женщина. Ей было лет шестьдесят, но она держалась прямо, и её глаза были ясными, как у птицы. Она была одета в чёрное — старую, выцветшую абайю, и на голове у неё был белый платок, завязанный узлом на затылке.

— Рашид, — сказала она. Голос был низким, но мягким. — Заходи. Я ждала тебя.

Рашид вошёл в дом, и Зейн последовал за ним.

Внутри было темно. Только узкие лучи света проникали через щели в ставнях, рисуя на полу золотые полосы. Пахло сухими травами и старым деревом.

Женщина повела их в комнату. Там стоял низкий столик, на котором горела свеча — единственный источник света. На столе лежала карта. Не современная, с линиями и названиями, а старая, нарисованная от руки, с пятнами и потёртостями.

— Это карта старого Каира, — сказала женщина, садясь на пол. — Туннели, подземные ходы, старые рынки, которых уже нет на поверхности. Рашид сказал мне, что ты должен знать всё.

Зейн сел напротив неё. Он смотрел на карту, и его пальцы дрожали, но он сжал их в кулак, чтобы она не заметила.

— Меня зовут Надия, — сказала женщина. — Я была женой человека, который знал эти улицы лучше, чем свои пальцы. Мой муж умер. Но его карта осталась. Теперь она будет твоей.

Она протянула ему карту.

Зейн взял её. Бумага была старой, хрупкой, и он боялся порвать её.

— Зачем мне это? — спросил он.

— Потому что, — ответила Надия, — в этом городе побеждает не тот, кто сильнее. А тот, кто знает все пути. Тот, кто может исчезнуть и появиться там, где его не ждут.

Рашид стоял у двери, скрестив руки, и наблюдал.

— Ты выучишь эту карту наизусть, — сказал он. — Каждый переулок, каждый тупик, каждый подвал, через который можно пройти. Время будет твоим оружием. И знание — тоже.

Зейн склонился над картой. Он водил пальцем по линиям, и в его голове рождались образы. Старые рынки, которых уже нет. Мечети, которые превратились в руины. Туннели, ведущие к реке.

Он чувствовал, как в его груди разгорается огонь.

— Я запомню, — сказал он.

— Я знаю, — ответила Надия. — У тебя глаза твоего отца. Такие же горячие.

Зейн поднял голову.

— Ты знала моего отца?

Надия улыбнулась. Её лицо осветилось теплом, которого Зейн не видел у неё раньше.

— Сулейман был моим другом, — сказала она. — Много лет назад. Он приходил сюда. Смотрел на эту карту. И он ушёл отсюда, чтобы спасти свою семью. Но он не спас себя.

Зейн опустил глаза. — Он болен, — сказал он тихо.

— Я знаю, — ответила Надия. — Но он сильный. Как и ты. Ты должен беречь его. И беречь себя. Потому что если ты сломаешься — рухнет всё.

Она встала.

— Иди, — сказала она. — Возвращайся, когда выучишь всё. Я буду ждать.

Зейн свернул карту и спрятал её за пазуху, под рубашку. Она была тёплой, как живая.

— —

// Каир. Центр. Рынок Хан-эль-Халили. 12:30 //

Днём Рашид привёл его на рынок. Хан-эль-Халили был лабиринтом. Тысячи узких улочек, переплетённых, как вены, и каждый шаг открывал новые запахи — специи, благовония, кожа, серебро, жареное мясо. Воздух был густым и горячим, и в нём смешивались крики продавцов, смех туристов, звон монет и далёкий призыв муэдзина на полуденную молитву.

Зейн шёл за Рашидом, и его голова кружилась от обилия лиц. Мужчины в галабьях и тюрбанах. Женщины в ярких платках, несущие корзины с хлебом. Дети, бегающие между ног взрослых, с криками и смехом.

Всё это было жизнью. Настоящей, бурлящей, шумной.

— Остановись, — сказал Рашид. — Смотри.

Он показал на маленькую лавку, где старик точил ножи на точильном камне. Старик был слеп, но его руки двигались с точностью часового механизма.

— Что ты видишь? — спросил Рашид. — Старика, который точит ножи, — ответил Зейн.

— Нет, — сказал Рашид. — Ты видишь только поверхность. Посмотри на его руки. Посмотри, как он останавливается каждый раз, когда мимо проходит полицейский. Он не слеп, Зейн. Он притворяется. Он видит всё, что происходит вокруг, и запоминает каждое лицо. Он работает на меня.

Зейн взгляделся. И правда — старик, хотя глаза его были бельмами, поворачивал голову точно в сторону прохожих, и его пальцы на мгновение замирали, когда кто-то проходил слишком близко.

— Ты хочешь, чтобы я стал таким же? — спросил Зейн.

— Да, — ответил Рашид. — Но ты будешь лучше. Ты будешь молодым. Ты будешь гибким. Ты будешь невидимым. Тебя не будут замечать, потому что ты — мальчик. А мальчики всегда есть на рынках, они продают воду, чинят обувь, носят сумки. Ты будешь одним из них. И ты будешь слышать всё.

Они пошли дальше.

Они прошли мимо лавки с тканями — шёлка, парчи, бархата, которые переливались, как вода. Зейн провёл рукой по одному из отрезков, и ткань была мягкой, как сон.

— Запомни это место, — сказал Рашид. — Запомни человека, который сидит на том стуле. Он — Халид. Он торгует шелками, но его настоящий товар — информация. Если тебе понадобится узнать что-то о ком-то, ты идёшь к нему. Он скажет тебе, когда нужно, но не даром.

— Зачем ему помогать нам? — спросил Зейн.

— Потому что я даю ему то, что он не может купить, — ответил Рашид. — Защиту. И тишину.

Они остановились у маленького кафе, где под тенистым навесом сидели трое мужчин. Они играли в нарды, и костяшки стучали о деревянную доску с резким, сухим звуком. Они не подняли голов, когда Рашид и Зейн прошли мимо, но их пальцы на мгновение замерли.

— Это мои глаза, — прошептал Рашид. — Они всегда здесь. Они никогда не уходят. Они видят всё, что происходит на рынке. И если что-то случится — они передадут мне слово.

Зейн смотрел на них. Они были похожи на камни, которые лежат в реке — неподвижные, но их присутствие меняло течение.

— —

// Закат. 18:15 //

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в оранжевый и фиолетовый, Зейн вернулся домой. Он был уставшим, но внутри него горел огонь — огонь, который не мог потушить никто.

Он вошёл в свой дом.

Отец лежал на матрасе. Он не спал — он смотрел в потолок, и в его глазах была пустота, которую Зейн никогда раньше не видел.

— Отец, — сказал Зейн, садясь рядом. — Я сегодня узнал многое. Я выучил карту старого города. Я ходил с Рашидом по рынку. Я видел его людей. Я знаю, как они говорят, как смотрят, как молчат.

Сулейман повернул голову. — Ты стал его тенью, — сказал он. — Но тени не живут долго. Тени исчезают, когда солнце садится.

— Я не исчезну, — ответил Зейн. — Я стану солнцем. Я стану хозяином своей судьбы. Сулейман покачал головой.

— Ты говоришь, как он, — сказал он. — Те же слова. Та же гордость. Ты слышишь свой голос, Зейн? Он уже не твой. Он — его.

Зейн замолчал. Он прислушался к своему голосу, к тому, как он звучал внутри него.

И он понял, что отец прав.

Часть его голоса уже принадлежала Рашиду.

Но он не испугался. Он принял это.

— Может быть, — сказал он. — Но я знаю одно: я больше не хочу быть жертвой. Я не хочу, чтобы Тауфик плевал на порог нашего дома. Я не хочу, чтобы мать плакала по ночам. Я не хочу, чтобы ты умирал здесь, в этой вонючей дыре.

Сулейман закрыл глаза.

— Ты не понимаешь, — прошептал он. — Ты думаешь, что спасаешь нас. Но ты ведёшь нас в ад.

— Тогда я сожгу этот ад, — сказал Зейн. — И построю новый.

Он встал и вышел из дома.

На улице было темно. Звёзды уже зажглись над Каиром, и они были яркими, как глаза миллионов людей.

Зейн сел на ступеньки и смотрел на них.

Он думал о том, что будет завтра. Он думал о карте, которая лежала у него за пазухой. Он думал о Надии, о Джамале, о слепом старике с ножами.

И в его голове начал рождаться план. План, который изменит всё.

Глава пятая: Девочка с голубым шарфом

// Рассвет. 5:12 утра //

Небо над кварталом было ещё тёмным, но горизонт уже начинал сереть, как старый пепел. Где-то вдалеке, за холмами Мукаттама, просыпалось солнце, но сюда, в низину, его лучи доходили позже — сначала они касались шпилей мечетей в центре, потом скользили по крышам богатых домов в Замалеке, и только потом, уставшие и рассеянные, опускались на горы мусора Харет аль-Заббалинь.

Зейн стоял на крыше своего дома.

Он не спал уже вторую ночь подряд. Сон стал роскошью, которую он не мог себе позволить, потому что каждую ночь он учился. Он сидел над картой Надии, при свете керосиновой лампы, водил пальцем по линиям, запоминая каждый изгиб, каждый тупик, каждый подземный ход, который вёл от одной части города к другой.

Карта была старой. На ней были обозначены места, которых уже не существовало на поверхности — старые базары, разрушенные мечети, кладбища, которые застроили новыми домами. Но под землёй, как сказала Надия, всё осталось. Туннели были забиты мусором, завалены камнями, но они существовали, и тот, кто знал их, мог пройти через весь Каир, не показываясь на улицах.

Зейн смотрел на восток, где небо начинало розоветь.

Он думал о вчерашнем дне. О Рашиде. О рынке. О людях, которые молчали и видели всё. О слепом старике с ножами, который на самом деле был зрячим.

И он думал о своём отце.

Он не мог забыть его голос. «Ты ведёшь нас в ад».

Зейн сжал кулаки. Он не верил в ад. Он верил только в то, что мог изменить своими руками.

Внизу, в переулке, кто-то закричал.

Зейн наклонился через край крыши и увидел, как из дома напротив выбежала женщина. Она была в одной ночной рубашке, босиком, и кричала так, будто у неё отнимали душу.

— Помогите! Помогите! Мой сын! Мой сын!

Это была Умм Юсуф — соседка, женщина лет сорока, которая жила с тремя детьми и больным мужем. Зейн знал её. Она всегда давала его матери хлеб, когда у той не было еды.

Он спрыгнул с крыши и побежал к ней. — Что случилось? — спросил он, подбегая.

— Юсуф! — кричала она. — Его нет! Он не вернулся вчера вечером! Он пошёл в центр продавать бутылки, и не вернулся!

Зейн посмотрел в её глаза. Они были красными, опухшими от слёз.

— Он часто не возвращается? — спросил он.

— Иногда, но он всегда приходит к утру! Сегодня он должен был быть дома! А его нет! Я ходила в полицию, они сказали, что будут искать, но они не будут искать! Они никогда не ищут нас!

Она упала на колени и начала биться головой о землю, причитая:

— Юсуф! Юсуф, сынок!

Зейн наклонился и взял её за плечи.

— Я найду его, — сказал он. — Успокойся. Я найду его.

Она подняла на него глаза. В них был страх. И надежда.

— Ты найдёшь его? — прошептала она. — Как? Ты всего лишь ребёнок.

Зейн не ответил. Он просто развернулся и побежал.

Он знал, куда идти.

— —

// Каир. Харет аль-Заббалинь. Переулок за кладбищем. 6:05 утра //

Зейн бежал по переулкам, минуя знакомые дома, горы мусора, спящих ослов. Его сердце колотилось, но дыхание было ровным. Он привык бегать. В его мире бег был единственным способом выжить.

Он свернул за кладбище, где старые надгробия покосились и заросли сорняками. Здесь пахло сырой землёй и чем-то сладковатым — возможно, цветами, которые кто-то посадил на могиле.

И там, за кучей битого кирпича, он увидел их.

Трое мужчин. Они стояли вокруг лежащего на земле мальчика. Юсуфа.

Мальчику было десять лет. Он был худым, с большими глазами, как у газели. Сейчас его глаза были закрыты.

Зейн подошёл ближе. Он увидел кровь на лице мальчика — ссадины, синяки.

— Эй! — крикнул он. — Оставьте его!

Мужчины обернулись. Они были молодыми, лет двадцати, в грязных майках и с пустыми глазами. Один из них держал в руках цепочку — тонкую серебряную цепочку с маленькой подвеской в виде полумесяца.

— Это наш улов, — сказал один из них, усмехаясь. — Он шёл по нашему району. Мы попросили его заплатить за проход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.